

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Т.И. АРТЕМОВА, к.э.н., ст.н.с.,

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
С ОТНОШЕНИЯМИ СОБСТВЕННОСТИ И СТОИМОСТИ**

Стремления к демократизации общественной жизни во всех ее проявлениях сегодня все более активно проявляют себя в Украине. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость осмысления сути и путей демократического мироустройства. “Считается, хотя часто и формально, что демократия или демократические свободы должны быть гарантированы властью в условиях произошедшей суверенизации государства (Украины), – пишет В.Гец. – В этом, по сути, заложены до некоторой степени ошибочные взгляды на обеспечение демократических свобод. Демократия – это процесс по своему содержанию весьма многоплановый и связанный, прежде всего, с усвоением демократических ценностей большинством населения данного государства” [1, с.3].

Следовательно, формирование демократических институтов на различных уровнях хозяйствования обуславливается взаимодействием таких базовых составляющих, как власть, свобода, ценности; рассматривая последние как институты, важно отметить, что при этом каждая из них содержит в себе две других в свернутом виде.

Основу демократизации общественной жизни составляет демократизация хозяйственная, экономическая, именно она, по нашему мнению, требует первоочередного своего обоснования. Вместе с тем, несмотря на растущую значимость, актуальность практической реализации, соотношение власти, свобод и ценностей до сих пор не стало предметом пристального внимания экономической науки. Так, фактор власти, являясь одним из главных объектов анализа в политических и социологических науках, далеко не стал таковым в экономической теории: практически любой автор, пишущий по проблемам власти в экономике, считает своим долгом подчеркнуть недостаток знаний в этой области, – отмечает В.Дементьев [2, с.17].

В Украине проблемы властных отношений в экономической системе исследуются в работах В.Гейца[1], А.Гриценко[6], В.Дементьева[2], Г.Задорожного[4]; в России – в трудах А.Либмана, А.Мовсеяна, Р.Нуреева, А.Олейника, Ю.Осипова, А.Радыгина, В.Третьяка, Р.Энтова, других авторов. Наиболее перспек-

тивным сегодня является освоение и развитие институциональных подходов, спектр которых весьма широк и представлен в наследии авторов всех ветвей институциональной теории – Т.Веблена, Дж.Гэлбрейта, Р.Коуза, О.Уильямсона, А.Алчиана, Г.Демсеца и др., ибо “все институционалисты понимают экономику как систему власти” [3, с.111].

Целью нашей статьи является рассмотрение института власти во взаимосвязи с отношениями собственности и экономической ценности.

Известно, что специалисты различают экономическую теорию власти и теорию экономической власти. Первая объектом своего анализа избирает взаимосвязь фактора власти и эффективности функционирования хозяйственных структур; предметом научного интереса здесь могут выступать самые разные виды власти. Теория экономической власти выделяет последнюю из всего многообразия “властных форм”; при этом под экономической властью понимается, с одной стороны, реализация властных институтов в сфере общественного хозяйствования; с другой стороны, власть, которая может быть достигнута с помощью экономических средств. В узком смысле слова экономическая власть выступает как власть хозяйствующих субъектов. С целью конкретизации специфически-властных отношений целесообразно выделять их источник, условия и основные инструменты реализации на различных уровнях хозяйствования, а также анализировать социально-экономические последствия, с целью их последующей оптимизации.

Хозяйственные отношения людей всегда детерминированы их экономическими интересами; в самих же экономических отношениях, представленных экономическими интересами, основополагающую роль играют отношения собственности. Тем самым при анализе экономической власти, вследствие ее детерминации отношениями собственности, сфера исследования как бы сужается, “отграничивается” (хотя и подвижно, относительно) от исследования всех других форм власти.

© Т.И. Артемова, 2006

В исходном своем определении институт собственности предстает как право собственности, реализующее себя в отношениях пользования, распоряжения, владения и, казалось бы, отображает отношения между человеком и вещью. Однако, в системе властных связей уже само пользование вещью опосредуется отношениями присвоения-отчуждения, предполагающими взаимодействие субъектов.

Пользование как таковое и пользование как момент владения не одно и то же, – говорит Г.Задорожный. – Различие состоит в том, что во втором случае вещь потребляется не пользователем, а владельцем, при этом вещь не уничтожается в пользовании, а лишь изменяет форму (свойства). “Изменение формы” достигается в процессе труда, где предмет становится для человека “человеческим предметом” (“опредмеченным человеком”) в силу воплощения в предмете части самого человека (знаний, умений, энергии). Поскольку предмет потребляется владельцем, а не “пользователем”, последний отторгает свое “предметное бытие”, собственную “опредмеченную личность”, передавая его владельцу для потребления посредством “распредмечивания” (превращения “мертвого пространства” в “живую сущность человека”). В этом и заключается содержание процесса отчуждения [4, с.67-68].

В системе отношений экономической власти один из ее субъектов превращается в объект. Им становится тот, кто в ходе процесса отчуждения теряет характер личности и превращается вследствие “подавления” его свободы в вещь. Однако отчуждение не любой вещи от субъекта превращает последнего в объект, а лишь той, которая обеспечивает накопление экономического богатства и произведена сверх необходимого для его (субъекта) потребления, пользования.

Проблема экономического богатства (накопления) есть одновременно проблема экономического выбора, связанного с использованием, распоряжением, владением, отчуждением и присвоением прибавочного (идущего на накопление) продукта, а в конечном итоге – свободного времени человека, воплощенного в этом продукте. Чем меньше у субъекта властных отношений возможностей экономического выбора, тем больше вероятность подавления его личной свободы другим субъектом, превращения его из субъекта в объект, вещь. “Никто не хочет оставаться без альтернатив, – замечает П.Хейне. – Чем хуже наши альтернативы – тем слабее наша позиция и тем легче можно поживиться за наш счет” [5, с.230].

В свою очередь, институт экономического выбора (экономической власти) реализует себя посредством отношений стоимости (экономической ценности). Отношения стоимости возникают только в том случае, если появляется ситуация выбора, пишет А.Гриценко. – При этом стоимость выступает критерием и основанием для осуществления выбора. Собственно, это и есть первое, методологическое определение стоимости: стоимость есть то, на основании чего осуществляется выбор. Это критерий для предпочтения [6, с.47].

Экономические отношения собственности, а с ними и проблема экономической власти, актуализируются в той системе общественного хозяйства, где основным содержанием деятельности выступает накопление денежного богатства, а формой связи между индивидами является обмен товарами. Но всегда истинным объектом присвоения (а значит, отчуждения) является свободное время человека – время, предназначенное для развития его творческих сил; время, которым он располагает сверх необходимого. Утверждение, согласно которому истинным богатством человека является свободное время, – отмечает А.Гриценко, – это не просто образное выражение, как часто считают, а строгое научное положение. Все формы вещественного, денежного и духовного богатств представляют собой превращенные формы свободного времени [6, с.50].

Таким образом, накопление экономического богатства осуществляется в ходе экономического выбора, связанного с использованием, распоряжением, владением, отчуждением и присвоением свободного времени человека и общества в процессе реализации властных отношений. Общей предпосылкой властных отношений, связующим звеном между субъектом и объектом является собственность на экономические ресурсы. Лицо, располагающее экономическими ресурсами, потенциально выступает носителем властных отношений и может формировать властное пространство либо в отношении субъекта-не-собственника, либо в отношении самого себя. В первом случае субъект-не-собственник попадает в экономическую зависимость от владельца ресурсов, удовлетворяя его жажду наживы; во втором – становится жертвой собственных страстей и желаний; и всякий раз превращается в объект, вещь, прах.

В контексте взаимосвязи отношений собственности и стоимости можно определить институт экономической власти как обусловленные пространственно локализованным правом владения экономическими ресурсами от-

ношения подчинения – господства хозяйствующих субъектов, связанные с отчуждением-присвоением воплощенного (опредмеченного) свободного времени человека и общества с целью реализации эффекта синергии (накопления богатства либо экономии) в ходе товарно-денежных операций.

В пределах рыночного пространства экономические ресурсы приобретают форму капитала, а свободное время наемного работника превращается в “пространство товара” (подавленную и отчужденную свободу личности) – носителя прибавочного труда и прибавочной стоимости. Когда концентрация капитала в руках отдельных собственников становится необходимым условием воспроизводства экономических отношений, эффект синергии приобретает характер закономерности. При этом источником рыночной власти становится захват сегмента рыночного пространства; условием – право владения экономическими ресурсами (в первую очередь, капиталом); основным инструментом реализации властных отношений – рыночная цена.

Рыночная цена изначально имеет двойственную природу. С одной стороны, она есть денежное выражение стоимости и в свернутом виде содержит в себе усредненные затраты труда, овеществленные на протяжении рабочего времени в товаре. С другой стороны, цена отражает субъективные оценки полезности товара для потребления и для обмена, обусловленные редкостью (пределом запаса) блага в данный момент времени.

В условиях приблизительного “равноправия” партнеров по бизнесу рынок самостоятельно справляется с координацией их деятельности, устанавливая относительно справедливые равновесные цены, на поверхности выступающие как “сходящиеся предельные пары субъективных оценок товара со стороны покупателя и продавца” [7, с.146], а по сути отражающие общественно необходимое время труда – стоимость, воплощенную в товаре. Здесь, как правило, ни покупатель, ни продавец не могут существенно влиять на цену, являясь ценополучателями. Получая экономическое удовлетворение от обмена в одних случаях, они испытывают потери в других, а в целом эффект синергии носит случайный характер.

Но не так обстоит дело, когда в отношении рыночного обмена вступают крупные субъекты, располагающие значительным капиталом. Захватывая значительный сегмент рынка, они сами формируют приемлемую цену на необходимые ресурсы и предлагаемые товары.

Здесь эффект синергии становится закономерностью хозяйственных отношений, а экономическая власть реализуется наиболее полно. Если принять во внимание, что пределы накопления денежного богатства практически отсутствуют, неконтролируемая власть укрупняющихся экономических субъектов может повергнуть хозяйство в состояние хаоса.

“Конкуренция и рынок не снимают необходимость властных управляющих воздействий на хозяйственные процессы, – пишет в связи с этим Ю.Осипов, – ибо капитал тяготеет к чрезмерному накоплению, к опасной несбалансированности между предложением и спросом, к гипердиспропорциям, а свободная конкуренция и свободный рынок этого всего не предотвращают. Нужно контролировать и подправлять, нужна сознательная волевая корректировка, нужно применение организующей власти” [8, с.368].

Основными субъектами современного рынка являются фирмы (деловые предприятия), домохозяйства, государство. Все они могут рассматриваться как субъекты собственности и власти. Между тем современная традиционная экономическая наука в лице двух своих ветвей – классической и неоклассической – оказывается бессильной прояснить суть экономической власти и направления оптимизации ее последствий.

Так, неоклассическая традиция не рассматривает внутреннюю структуру хозяйствующих субъектов рынка, принимая их в качестве неких пространственных точек, что одновременно обуславливает и схематическое воспроизведение проблемы властных отношений. Классический же подход, развитый в теории К.Маркса, обосновывает антагонизм властных отношений наемного труда и капитала, разрешить который способна лишь прямая расправа (по сути, – самосуд) пролетариев над бизнесом.

Преодолевая односторонность технологического подхода неоклассики и радикализм марксизма, институциональное направление сформировало альтернативные концепции фирмы – контрактную, стратегическую и другие. Одним из первых инициировал этот подход в науке Дж.Гэлбрейт; с позиций трансакционных издержек осуществили анализ фирмы Р.Коуз, О.Уильямсон; А.Алчиан и Г.Демсец увязали эволюцию типов предпринимательских фирм с особенностями внутрифирменного распределения прав собственности.

Институциональный анализ показал, что в крупной промышленной фирме корпоративного типа экономическая власть переходит

от отдельной личности к технотроструктуре; вследствие "распыления" акций среди многих держателей уменьшается доля капитала, приходящаяся на одного их владельца, а значит, и его власть. Основным инструментом экономической власти технотроструктуры становится не цена как таковая, а объемы продаж, стимулирующие с помощью умелой политики ценообразования, а также диверсификация предприятий.

В таких условиях модифицируются содержание экономической синергии, способы и инструменты ее достижения: деятельность крупных субъектов современного рынка оказывается прямо не нацеленной на максимизацию прибыли и явно не связанной с эксплуатацией других объектов бизнеса.

Разрешение противоречия между правом собственности и экономической властью на микро- и макроуровнях хозяйственной системы осуществляется при наличии развитого института управления в форме корпоративного менеджмента и корпоративного управления. Формирование и развитие эффективных институтов управления в системе государство-корпоративный сектор обеспечивает контроль над финансовыми потоками в обществе, а следовательно, создает экономические предпосылки для полноценной реализации демократических прав и свобод его граждан. Направления и

пути такого институционального строительства, в свою очередь, могут получить адекватное прояснение лишь в контексте их взаимосвязи с отношениями собственности и стоимости.

Литература

1. Геец В. Взаимодействие доверия и развития // Экономическая теория. – 2005. – №2. – С.3-16.
2. Дементьев В.В. Власть в экономической системе // Экономическая теория. – 2005. – №2. – С.17-27.
3. Companion to Contemporary Economic Thought. Ed. by D.Grenaway, M.Bleaney, J.Stewart. – L.; N.Y., 1991.
4. Задорожный Г.В. Собственность и экономическая власть. – Харьков: Основа, 1996.
5. Хейне П. Экономический образ мышления / Пер. с англ. – М.: "Новости" – "Catallaxy", 1991.
6. Гриценко А.А. Эволюция стоимости // Экономика Украины. – 2001. – №4. – С.45-55.
7. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. – Л.: Прибой, 1929.
8. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. В 3-х тт. – Т.1. – М.: МГУ, 1995.

Статья поступила в редакцию 25.01.2006

В.В. ПОПОВА, к.э.н. доцент,
В.Е. ПОПОВ, к.э.н. доцент,
Национальный аграрный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УКРАИНЕ

Положения представителей «чистой экономической теории» (как классиков, так и маржиналистов) о преобладающей роли рыночных регуляторов в обеспечении прогрессивного направления развития современного общества не нашли практического подтверждения. Застойные явления и кризисы XX века продемонстрировали крайнюю неустойчивость рынка, которая проявилась в негативных последствиях монополизации экономики, вызванных несовершенством естественных регуляторов спроса и предложения. В исследованиях истоков и последствий монополистических тенденций в рыночной экономике ведущими учеными-экономистами США продемонстрированы теоретические положения о месте системы социальных институтов в экономических

преобразованиях общества. Диалектическим изменениям подверглась позиция ученых-экономистов в вопросе допустимой степени государственного вмешательства в рыночные механизмы. Если на стадии становления рынка любые формы государственного регулирования экономических отношений воспринимались как недопустимое явление, то к концу XX века точка зрения радикально изменилась. Уже не теоретические положения, полученные в результате академических исследований, а реальные угрозы нарушения экономической стабильности обусловили необходимость экспансии государственного вмешательства в стихийные отношения производителей и потребителей.

©, В.В. Попова, В.Е. Попов, 2006